

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ «ПРОБЛЕМЫ ВАРВАРОВ»
В «НОВОЙ ИСТОРИИ» ЗОСИМА

«Новая история» Зосима¹, написанная, как указывается в последних исследованиях, примерно на рубеже V и VI вв.², давно используется для реконструкции картины варварских вторжений в Римскую империю III — начала V в. Известно, что для изучения некоторых десятилетий истории Рима и ранней Византии этот труд уникален. В то же время Зосима упрекают за некритическое использование источников, за отсутствие в «Новой истории» авторского «я» и даже за плагиат³. Если эти упреки (во многом имеющие основание) принять безоговорочно, то крайне трудно разглядеть социальное лицо этого выразителя «климакса языческой исторической апологетики», по меткому выражению В. Кэги⁴, его «социальных подзащитных», что немаловажно для наших представлений о классовой и политической борьбе в Поздней Римской империи⁵. Однако, думается, если предпринять внутреннее, даже без сравнения с другими источниками (Евнапием, Олимпиодором⁶ и т. д.), исследование хотя бы одного сквозного для «Новой истории» сюжета, то социальная среда, представляемая Зосимом, станет яснее. В качестве такого сюжета мы выбираем «проблему варваров», тем более что борьба римского и варварского миров является одной из главных тем Зосима⁷.

В литературе давно отмечали антиварварский и проримский «заряд» «Новой истории»⁸. Однако для определения меры использования этого «заряда» в интересах социальных симпатий Зосима сначала, видимо, следует систематизировать и рассмотреть в совокупности имеющиеся у него факты римско-варварских коллизий.

Действительно, во взглядах на варваров вообще Зосим проявляет аристократизм и презрение образованного римлянина, питомца античной рабовладельческой цивилизации. «Новая история» пестрит нелестными для «скифов» характеристиками. Их походы на империю оцениваются не иначе как разбой. Варварам присущи такие черты, как злоба, необузданность, нахальство, «варварское безумие» (III, 7.4—7; IV, 26.8; 40.2; V, 11.2—3). Методы ведения войны у них подлы и коварны; варвары предпочитают действовать исподтишка, под покровом ночи (III, 7). Но даже во время военных действий варвары не способны удержаться от пьянства (IV, 25.2). Их совместные попойки чреваты взрывами бешенства и усобицей (IV, 56.2). В то же время варвары не умеют правильно вести сражение (IV, 20.4), небрежно строят суда для пере-

правы, неумело ими управляют и в результате расплачиваются жизнью (V, 21.2—3).

Зосим не жалеет красок для очернения варварских вождей, поднявших оружие на империю. Гайне, готу на византийской службе, стоявшему во главе наемных отрядов, присуща «варварская алчность» (V, 13.1), зависть к преуспевающим сановникам (V, 17.4) и «варварская пылкость» в принятии решений (V, 19.2). Гайна считал праздность подчиненных на войне обычным делом (V, 20.2), что обернулось для него поражением. О союзнике Гайны по мятежу, готе Трибигильде, Зосим пишет: «Это был человек отчаянный и совершенно готовый на всякое безумие» (V, 13.2). Немало достается и Алариху, предводителю готских полчищ. Аларих — человек «варварский и ненадежный» (V, 31.5); требования его, предъявляемые к осажденному Риму, поначалу лежали «за пределами всякого варварского бахвальства» (V, 49.1). Аларих вспыльчив и гневлив, насмешлив над побежденными и грубо остроумен (V, 40.3). Что же касается его некоторой умеренности на отдельных этапах осады Рима (V, 50.2; VI, 1.1; 10.1), то она продиктована лишь пониманием момента и известным умом политика.

Совершенно очевидно, что Зосимова характеристика личностных черт варваров примитивна, неоригинальна и трафаретна⁹. К тому же автор «Новой истории» в общем не интересуется этнографический мир за римским лимесом: термин *barbaroi* и расплывчатый этноним *Skythai* забывают редко встречающиеся указания на «готов», «боранов», «уругундов» и т. д.¹⁰ Слабая попытка разобраться в сведениях о гуннах (IV, 20.3) принадлежит не самому Зосиму, а использованному им Евнапию¹¹. И дело здесь, думается, не в рабском подражании некомпетентным источникам. Когда дело касается констатации злободневного для империи вопроса «что несут варвары?», Зосим дает читателю недвусмысленный ответ.

Описывая вторжения племен в империю, автор «Новой истории» не устает подчеркивать их грабительский и захватнический характер. При Филиппе Арабе карпы опустошают побережье Дуная и грабят Фракию (I, 20.1; 23.1). При Требониане Галле скифы захватывают Филиппополь и увозят пленников, а затем опустошают области «до самого моря», берут «все» неукрепленные города и большинство укрепленных (I, 24.2; 26.1). На европейские населенные пункты нападают готы, бораны, уругунды и карпы, «подчиняющие себе то, что осталось» (I, 27.1). Захватив добычу в Европе, «скифы» переходят в Азию и разоряют области до Каппадокии, Питиунта и Эфеса (I, 28.1). В правление Валериана и Галлиена задунайские племена «не оставили неопустошенной ни одной части Италии и Иллириды» (I, 31.1), а вторгшиеся с Черного моря варвары овладели Трапезундом, набрав богатства и пленников (I, 33.3). Добыча, взятая одними варварами, возбуждала зависть у других, и в империю вторгались новые полчища. Разграбляются города Халкидон, Киос, Апамея, Пруса, преданы пламени Никомедия и Никея (I, 34.3; 35); часть варварских отрядов разоряет Иллирию, часть доходит до самого Рима (I, 37.1). В то же время опустошается Эллада; Афины взяты приступом (I, 39.1). Хотя в правление Клавдия II и на-

ступает перелом в военных действиях, варвары все же нападают на Грецию с моря и захватывают пленников в сельской местности (I, 43.2).

В литературе отмечалось, что Зосим полагает вторжения варваров наказанием божеств за отказ римлян от язычества. Это верно лишь для Зосимовой характеристики IV — начала V в.¹² Описывая набеги III в., историк убежден, что основной причиной успеха варваров была беспечность императоров и нерадивость в охране границ. Враждебные орды тревожат государство из-за беспечности Филиппа Араба (I, 23.1) и Требониана Галла (I, 26.1). Неспособность «властвующих» (*hoi kratuntes*) защитить государство (I, 27.1), приход к власти «недостойных и пропащих лиц» (*anaxioi times kai aregimtenoi*) на Боспоре (I, 31.3), пьянство и леность солдат (I, 33.2), малодушие и лень императора Валериана (I, 36.2) — все это-де определило успехи варваров. Такое рассмотрение «варварской проблемы» явно отражает тоску Зосима по некоей «достойной и сильной» власти, способной обуздать иноплеменников. Однако автор «Новой истории» в событиях III в. упадка империи не видел. Как показал В. Кэги¹³, деструкция государства, по Зосиму, началась лишь с Константина и связана с реформами этого императора и принятием христианства¹⁴. Через подобную призму «языческой оппозиции» и следует воспринимать описание разгрома варваров в IV — начале V в. Здесь Зосим уже красок не жалеет.

При Константине в империю вторгаются савроматы, затем — «скифский род тайфалов» (II, 21; 31.5). Во время усобиц преемников Константина варвары вновь переходят Рейн и Дунай, приобретая множество пленников и занимая города (III, 1). Цезарь Юлиан, прибыв в Галлию, застал массу городов совершенно уничтоженными, а поля невозделанными (III, 5.1). Немало хлопот доставили зарейнские германцы и императору Валентиниану I (IV, 9; 12.1).

Но вторжения на Западе меркнут у Зосима перед бедами, обрушившимися на Византию в результате переправы готов через Дунай в 376 г. «Лишь только вступив на римскую землю, они забыли мольбы и клятвы, а вся Фракия, Паннония и области до Македонии и Фессалии наполнились варварами, опустошавшими все на своем пути» (IV, 20.7). В битве под Адрианополем готы перебили почти все войско римлян во главе с императором (IV, 24.2). При Феодосии I, несмотря на проводимую им гибкую «проварварскую» политику, «скифы» продолжали беспокоить римские города, грабили села (IV, 25.1—2), а распределенная по городам варварская молодежь строила заговоры, чтобы напасть на населенные пункты (IV, 26.4). Коварные планы вынашивали и варвары, завербовавшиеся в войска Феодосия (IV, 30.1—2; 31.1—3; 40.1—2). Крамола зрела даже среди приближенных ко двору наемников во главе с Эриульфом (IV, 56.2). Внутри империи наемники творили бесчинства: направленные в Египет, они шли по провинциям без всякого порядка, отбирали товары у торговцев, применяли при сопротивлении оружие (IV, 30.3—4). Особенно ухудшилось положение после смерти Феодосия. В Византии взбунтовались готы во главе с Аларихом: выступив из Фракии, они проникли в Македонию и Фессалию, «покоряя все на своем пути», а получив доступ в Среднюю Грецию, приступили к ограблению

деревень и полному разрушению городов, «поголовно уничтожая мужчин, а детей и женщин толпами уводя вместе со всяким богатством» (V, 5.5—6). Беотия была опустошена так, что следы разгрома виднелись еще во времена Зосима (V, 5.7). Готы угрожали Фивам, взяли выкуп с Афин, захватили Мегариду, Коринф, Аргос, Спарту (V, 6.2—5). Лишь появление войска Стилихона заставило варваров уйти из Пелопоннеса в Эпир.

Зосим показывает, какой урон Византии нанес мятеж готов под руководством Трибигильда и Гайны. Восставшие во Фригии варвары сметали все на своем пути, «не щадя крови ни мужчин, ни женщин, ни детей, но грабя попадающиеся навстречу области» (V, 13.3). После разгрома Фригии пришла очередь Писидии, а «так как Трибигильду никто не был препятствием, получалось, что он силой захватывал в плен каждый город, уничтожал всех жителей вместе с солдатами, и ни один варвар не был союзником римлян» (V, 15.1—2). Посланные на помощь Трибигильду подчиненные Гайны вступали в бой с воинами-римлянами, истребляли их и разоряли местность, превращая ее в пустыню (V, 17.1—2). Уйдя из Памфилии, Трибигильд «доставил городам во Фригии несчастья тяжелее прежних» (V, 17.2), а Сарды спасла от опустошения только разразившаяся непогода (V, 18.5). Когда Гайна двинулся в Вифинию, а Трибигильд к Геллеспонту, они выдали на разграбление своим воинам встречные области (V, 18.6). Когда же переворот не удался, Гайна, бежав к Дунаю, опустошил все на своем пути, а сопровождающих его римлян перебил (V, 21.6). Зосим пытается определить причину этого мятежа: по его мнению, Гайна вначале желал видного воинского поста и богатства (V, 13.1), а затем пришел к мысли о ниспровержении государственного устройства (V, 17.4—5). Это показала проведенная по его требованию чистка правящей верхушки Византии, удаление из Константинополя римских отрядов и ввод в столицу готов-наемников (V, 18).

Разорения несли провинциям и двинувшиеся в Италию готы Алариха. Они разграбили все города и укрепления от Пицена до Рима (V, 37.4); в самом Риме в ходе осады начались голод и болезни (V, 39.2—4), и горожане «подверглись опасности перейти к пожиранию друг друга» (V, 40.1). Аларих потребовал от города все золото и серебро, какое только найдется, плюс рабов-варваров (V, 40.3). Впоследствии, правда, он умерил свои притязания.

Зосим отмечает, что передвижения варваров вызывали ужас в самых отдаленных местах. Одним из таких передвижений явилась миграция вандалов, которые, «смешавшись со свевами и аланами... причинили вред областям по ту сторону Альп и, произведя большое кровопролитие, стали внушать страх и для войск в Британии» (VI, 3.1).

Однако успехи варваров в IV—начале V в. историк не связывает лишь с забвением «религии предков». Невоинственность и трусость Константина были причиной победы тайфалов (II, 31.5). Дезорганизация и бездеятельность частей у Рейна до прихода Цезаря Юлиана составляла всех страшиться германцев (III, 3.2). Негодные советники поторопили императора Валента начать битву с готами, в которой он

и погиб (IV, 24.1). Неумно поступил и император Грациан, назначив главой иллирийских отрядов неспособного сановника Виталиана (IV, 33.3). Нерасторопность и развращенность Стилихона позволили Алариху ограбить Грецию безнаказанно (V, 6—7.1—3). Давление того же Стилихона на сенат и на императора Гонория избавило Алариха от войны с Римом и обеспечило варвара золотом (V, 36.3). Наконец, сановники Запада, отвергнув умеренные предложения Алариха, вызвали его гнев и подвергли Рим новым опасностям. «Настолько был слеп разум лиц, управляющих тогда государством»,— с горечью пишет Зосим (V, 51.2). Опять-таки здесь чисто светское объяснение бед. Дело не только в забвении язычества, но и в изъянах государственного управления, в способностях властителей.

Обратим внимание на другой момент: натуралистически и подробно рисуя картину грабежей, Зосим чаще всего указывает на бедствия **городов** восточной части империи. Сведений о судьбе городских центров Запада, как известно, более страшной, в «Новой истории» немного. Поскольку этот труд предназначался читателю-византийцу¹⁵, не следует ли говорить не просто о малой осведомленности Зосима о бедствиях Запада¹⁶, а об апелляции к определенным городским группам Востока, об указании историка на неспособность начальствующих защитить полисы? Здесь встает интересный вопрос: в какое время с середины V до середины VI в. могла быть актуальна и действительна такая апелляция? Не уточнит ли это дату появления «Новой истории»? В рамках данной статьи этого решить нельзя. Важно, пока иное: собственно варваров Зосим ненавидит как угрозу существованию городской античной цивилизации. Поэтому он приветствует любое мероприятие правительства, сдерживающее и ликвидирующее варварский натиск. В положительном тоне описывает историк действия императоров и полководцев, ведущие к «совершенному истреблению» варваров (I, 23.1; 28.2; III, 4.2—3), восторженно перечисляет потери последних (I, 43.2; III, 3.3), любит картины, когда трупы «скифов» усеивают воду и землю (I, 42.2; 45.1—2; 46.1; II, 21.2—3; IV, 9.4; 22.3; 26.9; 35.1; 39.2—4; 49.3; V, 16.2—4; 19.5; 21.3—4). Ни малейшего осуждения не вызывают у Зосима обещание Валента выдавать награду каждому, кто принесет голову варвара (IV, 11.2—3); нападения на варваров полководца Севастиана, истреблявшего их фуражиров, резавшего пьяных или купающихся в реке (IV, 23.4); действия военачальника Модара, перебившего спящих «скифов» и полонившего их женщин и детей (IV, 25.2—3). Зосим одобряет военную хитрость Промота, уничтожившего «весь цвет варварских полчищ» и набравшего массу пленников (IV, 39.4—5); поступок Юлия, истребившего распределенную по городам варварскую молодежь (IV, 26.2—9); выступление против варваров под Томами военачальника Геронтия (IV, 40); расправу египетских легионов с буйствующими наемниками (IV, 30.4—5).

Такого рода римский патриотизм, смахивающий больше на шовинизм, характерен для выразителя интересов классических рабовладельцев, граждан полисов¹⁷, привыкших смотреть на варваров как на потенциальных рабов¹⁸. В то же время Зосим сознает невозможность

борьбы с варварами только римским оружием и оставляет в этом смысле место для компромисса¹⁹. Он, например, приветствует использование против варваров варварских же отрядов, служащих империи, благосклонно относится к военачальникам варварского происхождения, верой и правдой стоящих на страже римских интересов,— к Модару, «приходящему из скифского царского рода» (IV, 25.2), к Фравитте, «человеку варварского происхождения, но вне зависимости от этого — греку, не только характером, но и образом мыслей и вероисповеданием» (V, 20.1). Неподкупными, храбрыми и отличающимися в военных делах названы полководцы Западной империи Арбогаст и Баудон (IV, 33.2). Особенно симпатичен Зосиму Генерид, варвар по происхождению, но человек доблестный и неподкупный, отказавшийся отойти от веры своих предков и отдавший предпочтение язычеству (V, 46.2—4). Относясь положительно к таким лицам, историк несомненно отражал стремление римских правящих кругов использовать в своих целях верхушку варварских объединений. Однако видно, что Зосим симпатизирует вождям не просто проримского толка, но стоящим на своих языческих убеждениях и в этом смысле даже служащих римлянам примером. Тем самым патриотизм Зосима в известной мере ущербен: он приветствует в рядах господствующего класса часть варваров, ассимиляция которых заторможена непринятием христианства и которые противопоставлены христианам вообще!

С другой стороны, отсутствие у Зосима серьезного внимания к проблеме «прикрепления» к земле больших масс варваров²⁰ и в целом негативное отношение к варварскому наемному элементу дает основание предположить, что историк в данном случае выражал мнение тех групп господствующего класса Византии, которые давно разочаровались в проектах риторы Фемистия, радовавшегося намерениям Валента превратить в земледельцев основную массу перешедших Дунай вестготов. Поэтому не удивительно, что в «Новой истории» содержится резкая критика правителей, нанимавших большие контингенты иноплеменников²¹.

Таким образом, рассмотрение «проблемы варваров» через призму оппозиции Зосима позволяет предполагать, что историк широко использовал такого рода материал для пропаганды своих взглядов на состояние государства, относился к нему весьма избирательно. Очернение варваров вообще и страх перед ними характерны для типичного гражданина полиса. Но неудачи разрешения «проблемы варваров» Зосим видит в существовании введенных Константином I и продолженных его преемниками методов и в результатах военно-бюрократической диктатуры. Это позволяет назвать автора «Новой истории» выразителем взглядов той части византийской знати, которая цеплялась за изживающие себя античные полисные порядки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В статье использовалось издание "Zosimi comitis et exadvocati fisci Historia nova, ed. L. Mendelssohn. Lipsiae, 1887", поскольку последнее издание, принадлежащее Ф. Пашу, включает пока лишь две книги «Новой истории».

² A. D. E. Cameron. The Date of Zosimus' New History.— "Philologus", 113, 1969, p. 106—110; F. Paschoud. Zosimos, spätgriechischer Profanhistoriker.— REPW. Suppl., Bd. X A, Sp. 798, 62—66; R. T. Ridley. Zosimus the Historian.— BZ, Bd. 65, H. 2, 1972, S. 280. А. П. Каждан полагает, что о времени жизни Зосима следует говорить осторожнее (примерно середина V—середина VI в.). См.: ВДИ, 1975, № 4, с. 166.

³ См.: Zosime. Histoire nouvelle, t. I (livres I—II). Texte établi et traduit par F. Paschoud. P., 1971, p. XXXIV—LXIII.

⁴ W. E. Kaegi. Byzantium and the Decline of Rome. Princeton, 1968, p. 101.

⁵ В советской исторической литературе нет однозначной социальной характеристики Зосима. Н. Н. Розенталь полагал его «одним из последних идеологов свободных средних слоев общества, растворившихся между правящей верхушкой крупных собственников и непрерывно возрастающей массой рабов и бедноты» (Н. Н. Розенталь. Религиозно-политическая идеология Зосима.— В сб.: Древний мир. М., 1962, с. 617). По мнению З. В. Удальцова, автор «Новой истории» по политическим взглядам принадлежал, как и Аммиан Марцеллин, к той же прослойке римской интеллигенции, которая, как и старая языческая аристократия, относилась неодобрительно к христианским императорам» (З. В. Удальцова. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV—VII вв.). М., 1974, с. 96).

⁶ О зависимости от них Зосима см.: Zosime. Histoire nouvelle..., p. XXXV—XXXVI, LXII; F. Paschoud. Cinq études sur Zosime. P., 1975, p. 144 sq.

⁷ См.: З. В. Удальцова. Идеино-политическая борьба..., с. 94.

⁸ Из последних работ см.: З. В. Удальцова. Идеино-политическая борьба..., с. 97—98; В. Т. Сиротенко. Введение в историю международных отношений в Европе во второй половине IV—начале VI вв., ч. I. Источники. Пермь, 1973, с. 76—77. См. также: W. E. Kaegi. Byzantium..., p. 112—113; Z. Petre. La pensee historique de Zosime.— "Studii clasice", 7, 1965, p. 263—272; F. Paschoud. Roma aeterna. Etudes sur le patriotisme romain dans l'Occident latin a l'epoque des grandes invasions. Institut Suisse de Rome, 1967, p. 83—86; D. Scavone. Zosimus and his historical models.— "Greek, Roman and Byzantine Studies", vol. 11, 1969, p. 57—67; W. Goffart. Zosimus, the First Historian of Rome's Fall.— "American Historical Review", 86, 1971; F. Paschoud. Influences et echos des conceptions historiographiques de Polybe dans l'Antiquite tardive.— In: Polybe. Entretiens sur l'Antiquite classique, t. XX. Vandevres—Geneve, 1974, p. 312 sq.

⁹ Чтоб убедиться в такого рода неоригинальности, достаточно вспомнить «скифские» фрагменты более ранних историков и писателей. См. напр.: Scythica et Caucasica. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе, т. 1 (ч. 1—3), т. 2 (ч. 1—2). Собрал и издал с русск. пер. В. В. Лагышев. СПб., 1893—1906.

¹⁰ Примечательно, что неопределенность в этнографических реалиях находится у Зосима в струе обычной для него небрежности к историческим фактам. См.: R. T. Ridley. Zosimus the Historian, p. 288—292; idem. The Fourth and Fifth Century Civil and Military Hierarchy in Zosimus.— Byz., 40, 1970, p. 91—104.

¹¹ См. примечание Л. Мендельсона в его издании Зосима (p. 174).

¹² До Константина I, по Зосиму, божество было благосклонно к римлянам (I, 58.4).

¹³ W. E. Kaegi. Byzantium..., p. 114; Ср.: Н. Н. Розенталь. Религиозно-политическая идеология Зосима, с. 616.

¹⁴ Тезис В. Т. Сиротенко (см. его указанную работу, с. 74) об отождествлении Зосимом начала упадка римской державы с установлением империи принять нельзя. Подобное отождествление, кстати, проводил еще Э. Кондураки (E. Condurachi. Les idées politiques de Zosime.— "Revista clasica", 13—14, 1941—1942, p. 119).

¹⁵ Ср.: E. Stein. Histoire du Bas-Empire, t. II. Paris—Bruxelles—Amsterdam, 1949, p. 708.

¹⁶ Об информированности Зосима о делах на Западе с 395 по 407 гг. см. статью Ф. Пашу (REPW, Suppl., Bd. X A, Sp. 822, 53f.).

¹⁷ В описании похода императора Юлиана на персов воззрения Зосима, подчеркивающие его ориентацию на антично-рабовладельческие методы ведения войны, выявляются особенно резко. С легкостью и даже с любованием рассказывает историк, как после сдачи персами укрепления Фатусы император отправил под стражей на римскую территорию мужчин, женщин и детей (III, 14.4); как после взятия Дакиры солдаты разграбили ее и, перебив оставшихся в городе женщин, разрушили его так, что никто

бы и не подумал о былом существовании здесь человеческого жилья (III, 15.2). В аналогичном духе представлены и другие кровавые этапы похода: римляне разграбляют и сжигают Зарагардию (III, 15.3), предают огню городок, где на их разведчиков напал противник (III, 19.2), убивают и берут в плен вражеских воинов после полевого сражения (III, 20.5). Ворвавшись на стены Весухиса, солдаты бросали персов вниз, «убивали различными способами», не щадя ни женщин, ни детей, хватали пленников. «Когда укрепление было взято силой оружия, а все достигшие зрелого возраста, сколько в нем оказалось,— уничтожены... войско отправилось на грабеж скопленных имуществ» (III, 22.6—7). После разграбления город стерли до основания. Захватив селение под названием Ноорда, римляне равным образом подвергли его разорению, а жителей взяли в плен и перерезали (III, 26.3). Восторженно описывает Зосим и взятие Версаворы, превращенной в развалины и разграбленной: «Отсюда к почету римлян присоединилась небывалая слава, так как силой оружия в два дня был взят город, великий и величайший после Ктесифонта из находящихся в Ассирии,— и к тому же столь укрепленный» (III, 18.6). Если учесть, что такого рода дела осуществлялись по велению Юлиана, кумира Зосима, то социальное лицо историка намного проясняется.

¹⁸ В этом аспекте взгляды Зосима имеют точки соприкосновения с воззрениями Синезия Киренского (ср.: С. Н. Coster. *Late Roman Studies*. Cambridge, 1968, p. 159 sq.).

¹⁹ Ср.: F. Paschoud. *Roma aeterna*, p. 324—328.

²⁰ Ср.: W. E. Kaegi. *Byzantium...*, p. 134.

²¹ См.: В. Т. Сиротенко. *Введение...*, с. 76—78.